

А. А. Харшак

Василий Михайлович Звонцов — воин, художник, педагог

То, что изложено на этих страницах — не воспоминания. Наши встречи с Василием Михайловичем Звонцовым были достаточно редкими и, учитывая серьезную разницу в возрасте, я держался на почтительном расстоянии. К ученикам Василия Михайловича я тоже не могу себя причислить — он прекратил преподавательскую деятельность на графическом факультете Института им. И. Е. Репина, когда я был на первом курсе и успел выполнить под его руководством только два задания в течение первого семестра, причем не очень удачно.

Предлагаемый материал скорее выражает ощущение от того, что рядом жил и творил такой человек, бесспорный мастер, чья твердая, принципиальная творческая позиция оказывала влияние на окружающих, заставляя как-то подтягиваться к подлинным идеалам в искусстве, в делах и в поступках.

За последние несколько лет в Петербурге были организованы две выставки произведений Звонцова. Одна в залах Научной библиотеки Российской Академии художеств, а вторая в Союзе художников. И вот что интересно: в составе и той и другой экспозиции были представлены работы, обрамление для которых делал сам Василий Михайлович, а у него к этому процессу были свои собственные особые требования и критерии, отличавшиеся от стандартов, которые существовали в практике Дирекции выставок.

Во-первых, для Звонцова был неприемлем такой элемент, как паспарту¹. Он считал, что разница в фактуре бумаги, возникавшая в процессе печати офорта между рабочим пространством, ограниченным форматом металлической пластины, и полями уже самодостаточна и не требует дополнительной рамки (в скобках замечу, что Анна Петровна Остроумова-Лебедева² также была противницей паспарту).

Во-вторых, он почти никогда не экспонировал свои работы, будь то рисунок, акварель или офорт, под стеклом, так как

***Харшак Андрей
Александрович,***
*заслуженный художник
Российской Федерации
(Санкт-Петербург)*

считал, что оно мешает контакту взгляда зрителя с фактурой произведения. Не знаю, изменил бы Василий Михайлович такую точку зрения сегодня, когда появились антибликовые стекла, но те он к 100 % прозрачности не относил. Готовясь к очередной выставке, Звонцов печатал офорты с большими полями, что позволяло ему идеально аккуратно наклеивать оттиск на планшет и уже потом обивать планшет тонкой деревянной рейкой.

Это был его фирменный метод подачи работ, всегда элегантный и узнаваемый. Я не помню у Василия Михайловича ни одной сюжетно-жанровой композиции. Его всегда интересовал пейзаж. Даже свою дипломную работу, защита которой проходила в 1952 г., он охарактеризовал как «...серию станковых пейзажей “По дорогам войны”». Но до этого дня надо было еще дожить, в самом прямом смысле этого слова.

Поступив в 1939 г. в Академию Художеств, Звонцов был сразу призван на военную службу. А когда подошел срок демобилизации, началась Великая Отечественная война. Ускоренный курс военного училища, и с апреля 1942 г. комвзвода, лейтенант Звонцов — на фронте.

Он закончил войну в Берлине в звании подполковника. Был награжден пятью боевыми орденами, среди которых ордена Красной Звезды, Отечественной войны и Боевого Красного Знамени.

Я помню на графическом факультете стенд с фотографиями преподавателей — участников войны. Василий Михайлович выглядит достаточно суровым. На гимнастерке кроме орденов — две нашивки за ранения. В некоторых каталогах выставок художников — фронтовиков указывались их воинские звания. Из тех, кто были офицерами, много лейтенантов и старших лейтенантов. Ю. М. Непринцев³, А. Н. Яр-Кравченко⁴ — капитаны.

Подполковник только один — заместитель начальника штаба полка — Василий Звонцов.

Ему прочили блестящую военную карьеру. И потребовалось много настойчивости, мужества и уверенности в своей правоте выбранного пути, чтобы вернуться на первый курс в институт.

Ему около тридцати лет. Для жесткой тоталитарной системы поступок орденосца-подполковника непонятен — он почти что отступник, и режим предпринимает еще одну попытку вернуть его в свой круг. Звонцов избирается (а фактически назначается) секретарем Василеостровского райкома КПСС. Случай беспреце-

В. М. Звонцов (1917–1994)

дентный: один из руководителей крупнейшего района Ленинграда — студент. Но это позже.

В 1948 г. после окончания второго курса Звонцов переходит на графический факультет. Главными причинами были — желание учиться у такого мастера, как Константин Иванович Рудаков⁵ и специализироваться в технике офорта.

Вот что пишет об этом сам Василий Михайлович: «...Главным и решающим поводом к этому для большинства из нас было желание учиться у Константина Ивановича Рудакова. Я ничуть не преувеличиваю: попасть в число его учеников стремились многие. Молодежь почти стихийно тянулась к Константину Ивановичу, восхищенно принимала его новые работы и шла за ним без колебаний».

И далее: «Однажды в самом конце занятий по живописи Константин Иванович спросил у меня, что у нас следует далее по расписанию. Узнав, что будет лекция по периоду Великой Отечественной войны, он, указывая на мои орденские колодки, сказал:

“Знаете что, не ходите на лекцию: Вы и так все про войну знаете, а мы тут с Вами попишем”.

Только потом я понял, сколь внимателен и осторожен был мой учитель, каким тактом обладал он, затрагивая самые больные места моей творческой судьбы. Долгих семь лет я был совершенно отлучен от любимого дела для военной службы. Мои сверстники, успевшие демобилизоваться раньше, ушли далеко вперед. В своей группе я был старшим по возрасту и жизненному опыту, но явно отставал в профессиональной подготовке, так как многое порастерял и перезабыл. Дела мои шли неважно.

И вот в такое трудное для меня время Константин Иванович понял, что я нуждаюсь в разъяснении, напоминании самых элементарных положений. Щадя мое самолюбие, не желая ставить меня в неловкое положение перед однокурсниками, проделал он все это в дружеской беседе с глазу на глаз»⁶.

Рудаков не дожидаясь успешной защиты диплома своего ученика. И хотя сам Звонцов характеризовал эту работу как «серию станковых пейзажей», я с таким определением согласиться не могу. Да, действительно, ландшафт, как и состояние природы, время суток, превалируют в композициях, но война врывается в них теми характерными чертами, подметить и отобразить

В. М. Звонцов
«На стрелке Елагина острова».
Офорт, 1967 г.

которые мог только очевидец и участник тех страшных событий.

Совмещать партийную деятельность такого масштаба с учебой, а после защиты диплома с творческой работой было практически невозможно, и Звонцов снова делает свой выбор — он прежде всего художник.

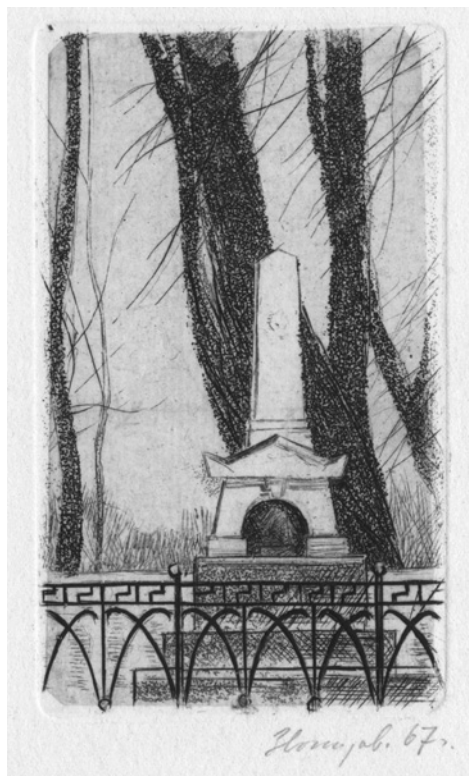
В 1955 г. он окончательно отходит от номенклатурных постов в КПСС, концентрируя все усилия на собственном творчестве и педагогической работе, которая продолжалась с 1953 по 1970 г. Он преподает свою любимую технику — офорт, постепенно разрабатывая и развивая ее неисчерпаемые возможности. Он в совершенстве овладевает графическим ремеслом и, систематизируя накопленный опыт, создает в соавторстве с В. И. Шистко⁷, может быть, самую понятную, самую всеобъемлющую книгу об офорте, где объясняются все аспекты и нюансы этой богатейшей техники⁸.

Причем, помещая в книге технологические таблицы о концентрации азотной кислоты, посекундном времени травления, об измельчении и нанесении на металлическую пластину канифоли, о компонентах офортных лаков и многом другом, сам Василий Михайлович оставался практиком-импровизатором. Он ловил случайности и делал их своими союзниками в осуществлении собственных замыслов.

О взаимоотношениях преподавателя Звонцова со студентами я застал на факультете лишь легенды. Старшекурсники рассказывали про День офортиста и про выезды на природу, про чтение наизусть почти всего «Василия Теркина» и многом другом.

Подлинные причины его ухода из института мне неизвестны. Делиться домыслами и догадками, наверное, не стоит. Но то, что за 17 лет работы он так и не получил звания профессора, было явной несправедливостью.

Однако понятно, что такой практический и теоретический творческий опыт не мог остаться невостребованным, и Василий Михайлович принимает предложение занять должность главного редактора вновь созданного издательства «Аврора». Это был неординарный

В. М. Звонцов
«Могила А. С. Пушкина
в Святогорском монастыре».
Офорт, 1967 г.

В. М. Звонцов. «Зимой».
Офорт, 1967 г.

Одним из первых уникальных изданий, увидевших свет непосредственно по инициативе Василия Михайловича, был альбом «Офорты Рембрандта». Его не встретишь сегодня в букинистических магазинах — с ним не расстанутся. И, может быть, я ошибаюсь, но альбом этот по сей день остается единственным изданием офортов великого голландца в России в XX столетии.

Рембрандта Звонцов боготворил. Недаром в строго разработанной им системе преподавания было задание по копированию одного из офортных сюжетов мастера. Это задание сохранилось и после ухода Василия Михайловича с факультета. Мне тоже пришлось делать такую копию, кажется, на IV курсе. Это было наслаждением. Оттиск у меня и сейчас висит на стене в квартире, а ему уже лет сорок.

Звонцов учился у Рембрандта, но по-своему. Он внимательно изучал его метод работы над металлической доской, но в собственной практике шел от обратного. Попробую пояснить.

Несколько лет назад в Эрмитаже была развернута масштабная выставка офортов Рембрандта, собранных и систематизированных Дмитрием Александровичем Ровинским (1824–1895) — знатоком и коллекционером русской и западноевропейской гравюры.

В экспозиции было представлено достаточно много офортов, отражающих различные состояния сюжета, то есть поэтапную работу художника на медной пластине. Мастер добавлял новые штрихи, вновь опуская доску в кислоту, какие-то места соскабливал шабером и выглаживал их, потом снова что-то добавлял, но уже сухой иглой.

Окончательный вариант, если говорить примитивно, получался хуже, чем первый вариант. Начальное состояние было острее, свежее и выразительнее. В результате доделок

проект для советского периода. Альбомы по изобразительному искусству различной тематики отличались и содержанием, и дизайном, и полиграфическим исполнением. Многие из них печатались за рубежом.

В обязанности главного редактора входило информационное ознакомление с запасниками крупнейших художественных музеев Советского Союза и коллекциями областных музеев. Налаживались контакты с европейскими собраниями.

Естественно, такие открывшиеся возможности очень обогащали Звонцова-художника, а это звание, эту профессию он всегда ставил выше всего.

композиция перегружалась, исчезала чистота приема, столь выразительная в технике травленого штриха.

Именно эту офортную чистоту ценил и культивировал в своем более позднем творчестве Василий Михайлович Звонцов. Чтобы к этому прийти, потребовались годы. В технике гравирования он брал за образец те рембрандтовские сюжеты, которые были созданы на одном дыхании, вытравлены за один раз или с незначительными добавлениями (но не исправлениями) и к которым мэтр более не возвращался.

Но секреты трепетного воздействия офортных Звонцова на зрителя — не только во всестороннем владении манерами офорта. Они лишь средство для достижения результата. Многие годы были отданы художником скрупулезному изучению окружающей природы. Он вживался в нее при помощи карандашных штудий, стараясь понять конструкцию единения веток и ствола дерева, как дуновение ветра влияет на отражение берегового кустарника и травы на поверхности воды и многое другое.

И тогда становится ясным, как ему удавалось самыми минимальными средствами, несколькими легкими, но очень точными прикосновениями иглы к поверхности покрытой лаком доски, добиваться предельной достоверности в передаче времени года, времени суток и состояния погоды.

Василий Михайлович очень берег и ценил белое пространство бумаги в своих композициях независимо от их формата и техники исполнения. Его рисунки, выполненные углем, карандашом, китайской кистью, дышат свежестью и живут в воздушной прозрачности.

В самом конце 1950-х годов Звонцов обретает края, подарившие ему духовный комфорт для творчества на многие годы. Это Пушкинские места на Псковщине. О его дружбе с хранителем Пушкиногорья Семеном Степановичем Гейченко⁹ сейчас уже ходят легенды. Их добрая, шутивая и в тоже время очень серьезная переписка издана и стала жемчужиной классического эпистолярного жанра. Василий Михайлович бывает в Михайловском во все времена года, живет подолгу, работает много и вдохновенно. Благо всегда в его распоряжении — банька, стоящая чуть поодаль от туристических дорожек. Она — и жилье, и мастерская.

В. М. Звонцов
«Зима в Михайловском». Офорт, 1973

Пронзительный минимализм звонцовских графических листов позволил Михаилу Дудину¹⁰ назвать своего друга «поэтом неприметной вечности».

Воплощение любого художественного замысла в печатных графических техниках связано с серьезными, трудоемкими технологическими процессами, требующими специальных знаний и навыков. Ремесло офортиста — одно из самых сложных. Именно этим ремеслом Звонцов владел в совершенстве. В своей мастерской на Васильевском острове он сам варил офортные лаки, шлифовал и коптил металлические доски, гравировал, травил, печатал и, конечно же, рисовал.

В. М. Звонцов. «В камышах». Офорт, 1958 г.

Он редко заходил в печатно-графические мастерские, которые находились на Песочной набережной, в подвале дома художников. Но когда мне удалось его там встретить, я старался показать ему только что сделанные оттиски, хотя Василий Михайлович шел на это не очень охотно. Он обычно говорил: «Ваш взгляд на офорт совсем другой, чем тот, что проповедую я». Но ему было интересно, и замечания его были максимально точны и корректны, несмотря на принципиальное несогласие.

Как человек очень неравнодушный, Звонцов всегда принимал активное участие в общественной жизни Союза художников. К его мнению прислушивались, в его присутствии как-то не решались пустословить. И когда в организационной структуре Ленинградского Союза художников был введен институт секретариата, Звонцов был избран секретарем по графике. Нововведение это просуществовало один выборный срок, то есть четыре года, и было отменено.

Так и остался Василий Михайлович первым и единственным художником-графиком, занимавшим эту должность.

Графика — искусство камерное. По негласной установившейся традиции в каталогах больших отчетных выставок советского периода раздел графики всегда занимал третью позицию после живописи и скульптуры.

Обладателей почетных званий в графической секции тоже всегда было меньше, чем у живописцев и скульпторов, а уж высших почетных званий — были единицы.

И когда в 1983 г. Звонцов стал Народным художником РСФСР — это было признанием его заслуг творческих. Он никогда не выступал с декларативно-политическими произведениями, не прятался за актуальные темы, оставаясь мудрым «поэтом неприметной вечности»...

---

¹ Паспарту — бумажная или картонная широкая рамка. Служит связующим звеном между рабочим полем графического произведения и, непосредственно, багетом.

² Остроумова-Лебедева Анна Петровна (1871–1955) — выдающийся российский художник-график Санкт-Петербургской школы. Ученица И. Е. Репина и В. В. Матэ. Работала в технике гравюры на дереве и акварели.

³ Непринцев Юрий Михайлович (1909–1996) — живописец, Народный художник СССР, Действительный член Академии Художеств СССР, профессор.

⁴ Яр-Кравченко Анатолий Никифорович (1911–1983) — график и живописец, учился у И. И. Бродского, Народный художник РСФСР, Лауреат Государственной премии.

⁵ Рудаков Константин Иванович (1891–1949) — художник-график, живописец, выдающийся книжный иллюстратор и педагог.

⁶ Звонцов В. М. К. И. Рудаков: Воспоминания о художнике. Л., 1979.

⁷ Шистко Владимир Иванович (род. 1928) — художник-график, профессор Санкт-Петербургской Государственной художественно-промышленной академии.

⁸ Звонцов В. М., Шистко В. И. Офорт. М., 1971.

⁹ Гейченко Семен Степанович (1903–1993) — историк, музейный деятель, писатель, с 1944 по 1988 г. — директор Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское».

¹⁰ Дудин Михаил Александрович (1916–1994) — известный поэт и переводчик, Герой социалистического труда.

Kharshak A. A. Vasilii Mikhailovich Zvontsov — warrior, artist, pedagogue

ABSTRACT: In the present article the author does not attempt to perform a comprehensive analysis of the creative method of the RSFSR people's artist V. M. Zvontsov. The article contains briefly announced principal stages of his life in close connection with his artistic, educational, organizational and social activities. Based on the author's speech at the Zvontsov's personal exhibition grand opening at Halls of St. Petersburg Union of Artists.

KEYWORDS: Graphic Department, passepartout, The Great Patriotic War, political activities, etching, publishing house "Aurora", Rembrandt, Pushkin's favorite places, state of nature.

AUTHOR: Honoured Artist of Russian Federation (Saint-Petersburg); kharshak@yandex.ru

REFERENCES:

¹ Zvontcov V. M. K. I. Rudakov: Vospominaniia o khudozhnike. Leningrad, 1979.

² Zvontcov V. M., Shistko V. I. Ofort. Moscow, 1971.